

Алла Данько:

Культура. - 1993. 24 марта. - С. 6.

«МОЙ ЖАНР — РОМАНС»

Царственная внешность диктора прежней высокой пробы больше ассоциируется с классикой. Впрочем, о музыкальных пристрастиях Аллы можно теперь судить и по ее авторской программе «Что означают ваши имена!»

— Нет, меня, конечно, как всякую москвичку в двадцатом или двадцать первом поколении, учили и музыке, и пению. Но учиться «на артистку» не пустили, как тогда водилось в неартистических семьях: сначала — «настоящую» специальность, а там уж сама смотри. Обычно до «там уж» дело так и не доходило, но у меня дошло. Сама мама и благословила в школу дикторов поступать. Хотя и, сами понимаете, в строжайшем секрете от всех друзей и знакомых...

— А какая же у вас «настоящая» профессия?

— Невропатолог: закончила первый медицинский и ординатуру...

— Так это же здорово вам должно помогать в работе! В наших-то информационных сферах человек со здоровыми нервами — редкость... И гипнозом, поди, владеете!

— Владею, но не пользуюсь. Только — психологическим убеждением. Ведь наша программа «пилотная», как у нас это называется, то есть не в сетке передач. Так что львиная доля усилий уходит именно на то, чтобы пробиться в эфир. Вот когда, вы думаете, заявили мы нашу восьмомартовскую передачу? В октябре!

— Не скучаете по былому дикторскому благополучию?

— Представьте — нет. Для меня и прежде в дикторской профессии важнее всего были возможности переключения на разные темы, разные жанры. Теперь же каждая редакция хочет сама вести, каждый редактор. И профессию нашу в прошлом году определили как «ведущий эфира».

— И тем не менее было в дикторах нечто такое, что не хотелось бы теперь потерять. Во-первых, высокий профессионализм, речевая культура.

Во-вторых (а может быть, и во-первых), — незаменимое человеческое качество сопричастности. Диктор говорил не с тобой, а как будто бы — в тебя, внутри тебя. Он присоединял тебя к народу. Теперь ведущий, комментатор — просто собеседник, с которым можно соглашаться, спорить, но он — вне тебя. Что вы об этом думаете?

— Я думаю, что всё ломать о колено нецелесообразно. И выбрасывать целые профессиональные кланы — расточительство. Теперь наши рамки сузились до ведения программ. Теперь все делается по принципу «я хочу», а не «я могу». И не обращают внимания на дефекты речи, нетелегенность, неумение одеваться...

— У меня такое впечатление, что все новые ведущие и комментаторы берут пример с какого-то отнюдь не лучшего образца. Этот псевдосовременный, прозападный говорок. А на поверку как раз западным ведущим в высшей степени свойственно чувство меры и такта. Что же происходит? Может быть, права молва, и в новые, коммерческие программы активно внедряются домашние наших нуворишей, толстосумов!

— Нам это пока не грозит; что на новых каналах — не знаю. Мы уйти туда не можем, хоть и получаем предложения. Пусть они учатся у нас. Скажем, нашу передачу очень легко было бы превратить в обычный эстрадный концерт... Автором идеи передачи был недавно ушедший от нас Олег Буйлов. Я стараюсь идти дальше, способствовать человеческому общению людей, а не только эстрадных артистов. Возьмет ли нас в свою «сетку» редакция спортивных программ — это вопрос вопросов. Но все-таки важнее — нужны ли мы людям? Ветераны уходят довольными, артисты — тоже. А зрители как?

— Если я могу свидетельствовать за зрителей, то вы уже отличаетесь от целого сонма этих нервических, экзальтиро-

ванных, рванных по ритму передач. У вас все протекает в соразмерном человеческой психике ритме. И это отнюдь не архаизм, а преемственность...

— Хотелось бы, чтобы так и было. Но я не идеализирую свою программу. Наверное, правда за этими милыми молоденькими личиками. Но хотелось бы, чтобы они были нужны не только своим домашним, но и всем. И еще больно, когда разделяется некогда единая страна. Больно, когда любимый Киев оказывается за границей. У нас в «Останкино» — уникальные для нашей страны частоты, которые просто не будут нужны никому, если не возродится единое телевизионное пространство. Так зачем же резать по живому?

— Ладно, не будем о грустном. Чем вы спасаетесь от перегрузок, каким аутотренингом?

— Я думаю, что без всяких восточных хитростей русский человек может и отдохнуть, и мобилизоваться. Я всегда с мамой разряжаюсь: поругаю себя, поругаю — и отпустит. Вообще для меня главное — переключиться на другую деятельность. Вот что считаю главным для человека — подкорковые процессы, власть над собой. Люблю гонять автомобиль, я его чувствую, как живого. И — земля! Мы с мамой — фанатики. Правда, дачи еще нет, ютимся в сарайчике. Но земля — это все... Мама даже разговаривает с морковкой, например, и та выправляется! Люблю убирать, стирать, гладить, шить... Но вот муж подарил швейную машинку, а шить некогда — что делать?

— Делайте свою программу. Она нужна нам — и старым, и молодым — своим точным ощущением человеческого измерения, когда не все на продажу, а только то, что не противоречит человеческому в человеке...

Беседовал

И. СЕМИРЕЧЕНСКИЙ.

● Алла Данько в кругу семьи.

Фото Н. Самойлова.